

УДК 947.087
ББК 63.3(2)723

Л.В. ЗАНДАНОВА

ПРИЧИНЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ В 30-е гг. XX в.

В статье рассмотрены причины организованного переселения крестьянства из центральных регионов страны в Восточно-Сибирский край во второй половине 30-х гг. XX в.

Ключевые слова: Восточно-Сибирский край, переселение сельского населения.

L.V. ZANDANOVA

THE REASONS OF THE RURAL POPULATION RESETTLE INTO THE EAST SIBERIA AREA IN THIRTY YEARS OF THE TWENTY CENTURY

This article consider the reasons of organized resettle of the working peasantry (rural population) from the central regions of the country to the East Siberia at the second part of one thousand nine hundredth thirtieth years.

Keywords: East-Siberian territory, resettle of the rural population.

Современные проблемы расформирования населения Сибири в постсоветский период заставляют все чаще обращаться к историческому опыту. Среди мероприятий, направленных на приток рабочих рук в восточные районы страны, было и плановое, организованное переселение, проводившееся на добровольной основе. Переселенческая политика Советского государства изучена недостаточно, поскольку информация о миграционных процессах чаще всего была засекреченной. Источниковая база исследования этих процессов в основном состоит из официальной, законодательной и делопроизводственной документации, позволяющей увидеть масштабы, направление потоков и реже — проследить объективные причины переселений и их влияние на социально-экономическое развитие регионов, увидеть основных участников событий, понять их жизненные стратегии.

В процессе изучения источников по теме переселения в довоенный период мне встретился документ, который является достаточно информативным для выяснения обстоятельств открытия нового этапа переселенческого движения в Сибирь во второй половине 1930-х гг. Это — письмо секретаря Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М.О. Разумова И.В. Сталину и В.М. Молотову с просьбой разрешить организованное переселение в край из других территорий СССР, написанное, как на нем указано, не позднее 11 июля 1934 г. секретарь крайкома сообщал о не-

достатке трудовых ресурсов в крае, сдерживающем развитие сельскохозяйственного производства, промышленности и транспорта. Решение проблемы он видел в плановом переселении в край 25–30 тыс. крестьянских хозяйств в течение трех лет. В письме говорится: «За последние 3–4 года, в связи с ликвидацией кулацких хозяйств, уходом из деревни единоличников и колхозников, а также паспортизацией..., в крае убыло не менее 50–60 тыс. крестьянских хозяйств. В селах имеется большое количество жилых и хозяйственных построек, которые... могут быть предоставлены переселяющимся» [9, л. 1–2].

Текст письма лаконичен, оно занимает не более страницы, однако при тщательном анализе его содержания можно получить представление о тех событиях, которые предшествовали необходимости обращения руководства Восточно-Сибирского края к властям с подобной просьбой, понять процессы, протекавшие не только в Сибири, но и в стране в целом. Исследование текста письма поставило ряд вопросов, на которые пришлось искать ответы в других, разноплановых источниках. Например: Почему это письмо появилось именно в 1934 г.? Какие округа и районы входили в состав Восточно-Сибирского края в 1930-е гг.? Кто такой М.О. Разумов? В результате чего образовался недостаток трудовых ресурсов в крае? Что явилось причиной массовой ликвидации хозяйств и бегства единоличников и колхозников из села, освободивших большое число помещений? Каким образом были определены масштабы вселения?

Обращение к истории того периода позволило воссоздать конкретно-историческую картину происходившего и таким образом найти ответ на ряд поставленных нами вопросов. Начнем с того, что в ноябре 1929 г. состоялся пленум ЦК ВКП (б), который, основываясь на статье Сталина «Год великого перелома», поставил задачу развертывания сплошной коллективизации в качестве первоочередной. При политбюро была создана комиссия по разработке вопросов коллективизации и определения ее сроков, которая подготовила проект постановления «О темпе коллективизации и мерах помощи колхозному строительству». Принятое 5 января 1930 г. постановление дало старт форсированию коллективизации и раскулачиванию, определило жесткие сроки коллективизации: для ряда зерновых районов — от одного до двух, для других, куда была отнесена Сибирь, — от двух до трех лет. Был взят курс на создание сельхозартелей как основной формы коллективных хозяйств. 30 января того же года ЦК утвердил еще одно постановление — «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», положенное в основу жестокой политики в отношении сотен тысяч крестьянских семей.

Четких критериев категории «кулак» к этому времени выработано не было. В сибирской деревне существовало понятие «зажиточный крестьянин». По данным гнездовой переписи весны 1927 г., в Сибири было 6,7 % сибирских дворов, которые относили к «мелкокапиталистическим

производителям». После XV съезда партии на них началось экономическое наступление, в результате чего весенняя перепись 1929 г. зафиксировала всего 1,8 % дворов, отнесенных к этой категории [5, с. 75]. В связи с этим жертвами январских постановлений, по которым предполагалось раскулачить не менее чем 3 % крестьянских дворов, становились «участники контрреволюционных организаций и организаторы террористических актов и массовых контрреволюционных выступлений», которые были отнесены к первой категории и подверглись репрессиям во внесудебном порядке, по решению троек. Остальную массу «кулацких элементов» (вторая категория) рекомендовалось выселить внутри края с конфискацией имущества и инвентаря. В Сибирь из других регионов предполагалось вселить 50 тыс. семей [6]. К третьей категории были отнесены зажиточные кулацкие хозяйства, которые следовало расселить на менее удобные земли в пределах своего района.

Следует отметить, что коллективизация крестьянских хозяйств как в целом по стране, так и в Сибири велась еще в годы нэпа. Добровольно, на основе кооперации, в основном беднейшие хозяйства, которых поддерживало государство, объединялись в коммуны, товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), сельхозартели, что позволяло им выжить, а зачастую и подняться до уровня середняков. Однако темпы роста коллективизации до 1928 г. были медленными: например, в Иркутском округе в это время насчитывалось около 250 крестьянских объединений. Летом 1929 г. в колхозах округа состояло только 2,5 % хозяйств [11, с. 261].

Ускоренные темпы коллективизации определили и характер ее проведения: она осуществлялась с нарушением принципа добровольности, с фактами администрирования, ограничением гражданских и политических прав зажиточных крестьян. Это было не исключением, а нормой. В сводках ОГПУ отмечалось, что во многих районах работа по созданию колхозов началась с арестов, подворных обходов, описи имущества, что сказалось на темпах коллективизации. Насилие и репрессии приводили к созданию «бумажных» колхозов, которые распались при первом же удобном случае.

К арестам в ходе коллективизации привлекались всевозможные органы и организации, которые были на селе: советы, бригады по организации колхозов, бедняцко-батрацкие группы, милиция, ОГПУ и пр. Все это вызывало совершенно справедливый протест крестьянства, который перерос в массовые антиколхозные и антисоветские выступления. В ответ на них власти усилили карательные меры, введя новые статьи в Уголовный кодекс, позволившие привлекать к уголовной ответственности все более широкие слои населения. Так, весной 1930 г. только в одном Усть-Удинском районе за «контрреволюционную агитацию против коллективизации и посевной кампании» было арестовано 59 «кулаков», 17 из которых были осуждены и высланы за пределы округа. Всего в

это время только в Иркутском округе по различным статьям было привлечено к уголовной ответственности 5477 чел., в том числе лишены свободы — 2393 чел., высланы — 1832 чел., штрафам и конфискации имущества подверглись 1352 чел. [3, д. 82, л. 225–227].

8 февраля 1930 г. на основе постановлений ЦК ВКП(б) и Сибирского крайкома было принято постановление Иркутского окружкома партии, которое сформулировало основные признаки кулацких хозяйств 1-й, 2-й и 3-й категории и предусматривало увеличение темпов раскулачивания до 4–5 %. Поскольку такого количества кулаков в деревне уже не было, фактически была дана установка на раскулачивание середняцких хозяйств.

Раскулачивание крестьян повсеместно носило характер экспроприации средств производства и скота, а также конфискации всего имущества вплоть до предметов быта. Секретная телеграмма ОГПУ окружкомам партии указывала на недопустимость подобной тактики: «По поступающим сведениям в процессе раскулачивания в ряде мест допускаются грубейшие нарушения директивы ЦК крайкома. Проводя раскулачивание, доходят до мародерства, раздевают догола, занимаются издевательствами». Отмечены были также факты экспроприирования предметов домашнего обихода, вплоть до белья, при этом говорилось, что все это происходит без санкции вышестоящих органов, по инициативе местных работников [4, л. 10–11, 72–76].

Раскулачивание проводилось и по линии ОГПУ, при этом критерии были совершенно иными: карательные органы выявляли не только имущих крестьян, но и всех тех, кто являлся потенциальным врагом советской власти.

Массовые репрессии против крестьянства шли параллельно с экономическим нажимом на колхозника: усилением хлебозаготовок, увеличением сельхозналога, обязательными страховыми платежами, выплатой займов государству и т.п. И без того высокий план сдачи хлеба государству в 1930/31 г. был увеличен еще в 2,5 раза. В то же время основными поставщиками сельскохозяйственной продукции и денежных средств государству оставались крестьяне-единоличники.

Наиболее состоятельные хозяйства облагались индивидуально, без учета числа членов семьи; было резко повышено обложение неземледельческих доходов, которые преобладали в доходной части крестьян. Каждое индивидуальное хозяйство подвергалось самообложению и культсбору, по которому оно платило налоги на мероприятия по народному образованию, здравоохранению, дорожному делу, благоустройству и т.д. В Восточной Сибири значение экономических мер в ликвидации кулачества было значительно больше, чем в Западной Сибири. В результате применения репрессий, налогово-заготовительной и административной политики в Иркутском округе к 1 марта 1930 г. было коллективизировано 53,2 % крестьянских хозяйств [3, д. 89, л. 3, 4].

Весной 1930 г. обстановка в Сибири продолжала оставаться очень сложной и напряженной. В Восточной Сибири две трети всех крестьянских выступлений пришлось на первые три месяца года, а пик активности — на март. Восставшие выдвигали лозунги: «Долой насилие. Да здравствует свободный труд. Да здравствует истинное выборное право». Всего в крае в 1930 г. органы ОГПУ зафиксировали 637 массовых выступлений, 904 террористических акта, 419 фактов распространения антисоветских листовок, многочисленные поджоги, в которых сгорело большое количество хлеба и фуража, в том числе колхозного [8, с. 790].

Беззаконие и принуждение в ходе коллективизации настроили против репрессивной политики государства не только часть середняков, особенно женщин, но и молодежь, «обиженных» и недовольных советской властью, часть бедняков-«подкулачников», т.е. значительные крестьянские массы.

Насильственное вовлечение в колхозы было массовым явлением, а методы, используемые уполномоченными из районов, везде одинаковыми. Представитель Нижнеудинского районного исполнительного комитета (РИКа), председатель сельсовета и учитель местной школы на собрании жителей участка Бокатуй поставили вопрос о сплошной коллективизации. Присутствовали представители 18 хозяйств из 30-ти, в основном женщины (мужчины были на лесозаготовках), которые не стали голосовать за резолюцию о вступлении в колхоз. Однако на следующий день все крестьяне узнали, что они состоят в коммуне, и подали заявления о выходе. За отказ крестьян вступить в колхоз, уполномоченный РИКа арестовал шесть человек бедняков и середняков, описал у них имущество и дал задание к 12 часам ночи колхоз на данном участке организовать и привезти ему в район, за 12 км, списки членов этого колхоза, угрожая отдать арестованных под суд. Жителям села ничего не оставалось, как вечером провести собрание, на котором все, за исключением троих, записались в колхоз. Списки, а вместе с ними и трех отказавшихся вступить в колхоз, повезли в район, где под угрозами и эти трое были вынуждены написать заявления о вступлении в сельхозартель [10, с. 357].

В весенние месяцы 1930 г. резко возросло стремление зажиточных крестьян к «самораскулачиванию»: они ликвидировали свои хозяйства, истребляли скот, уничтожали хлебные запасы, инвентарь. Как вспоминает З.Я. Винокурова, жительница деревни Знаменка Жигаловского района, когда мужчины ушли из деревни, спасаясь от арестов, женщины стали забивать домашний скот, увозили его в тайгу и выбрасывали птицам и животным, лишь бы он не достался тем, кто проводил раскулачивание [10]. В результате в Приангарье к концу 1930 г. поголовье скота уменьшилось наполовину [3, д. 91, л. 42–47].

Широкие размеры приняло бегство кулаков из сибирских сел. Часто семьи, отнесенные к кулацким, уходили в горы, в тайгу. Большая

часть крестьян, спасаясь от раскулачивания, уходила в города, на крупные стройки, лесозаготовки, где им было легче затеряться. Например, И.С. Кудинов, учитель школы д. Знаменка Жигаловского района, попал в число раскулаченных крестьян за то, что имел хорошее хозяйство, теплый хлев для скота и колодец на огороде. Не дожидаясь ареста, он запряг самого лучшего коня, сложил необходимые вещи и, оставив все хозяйство, уехал из деревни. Житель этой же деревни Боков, хозяйство которого было раскулачено из-за наличия в нем сепаратора, увез всю семью в тайгу, где они прожили два года [8]. В Барлуковском сельсовете Куйтунского района было подано 250 заявлений о выдаче разрешений на выезд на золотые прииски в Бодайбо и на реку Алдан. В Нижнеилимском районе в 1930 г. все крестьяне деревни Семахиной сбежали в Якутск. Разбежались, кто куда, жители деревень Перетолчиной, Протасовой, Мартыновой, заимки Пежемской. Из Заларинского района в марте того же года 21 семья, распродав за бесценок свои хозяйства, выбыла в неизвестном направлении [1, с. 104].

Зажиточные семьи в Приангарье были, как правило, многочисленными и многоземельными, поэтому они стали дробить свои хозяйства: сыновья отделялись от отца, дочь выдавали замуж за бедняка, супруги разводились и т.д.

Как видно, обстановка в первые месяцы 1930 г. в Восточной Сибири, как и по всей стране, накалилась до предела. Руководство страны было вынуждено прибегнуть к экстренным мерам для предотвращения крестьянской войны: в начале марта оно приняло ряд постановлений, направленных на ликвидацию «искривлений» партийной линии. Большой резонанс имела статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он обвинил в «перегибах» местных руководителей. Фактически было дано указание временно, на период сева, прекратить насильственную коллективизацию и выселение раскулаченных. 1 апреля бюро Сибирского крайкома ВКП(б) приняло постановление об исправлении «перегибов и извращений в колхозном строительстве», в котором осуждало сложившуюся практику вовлечения крестьян в колхозы.

Принятые в спешном порядке меры по смягчению ситуации вызвали массовый выход крестьян из колхозов. В течение трех месяцев в Приангарье из ТОЗов, коммун и сельхозартелей вышло свыше четверти крестьянских хозяйств; уровень коллективизации снизился к середине мая до 28 % [11, с. 261]. Часть крестьян, желающих выйти из колхозов, вынуждена была в них остаться, поскольку не могла вернуть свои уже коллективизированные земельные участки, семена, имущество.

В конце июня-июле 1930 г. состоялся XVI съезд ВКП(б), который хотя и осудил «перегибы в коллективизации», но в целом дал указание и дальше вести процесс объединения крестьян, оказывая давление на кулачество. В Сибири была поставлена следующая задача: восстано-

вить набранные до весны темпы и довести уровень коллективизации до 35–40 %, применяя при этом в первую очередь организационные и экономические меры. В частности, выкачивание средств из деревни шло путем внесения разного рода платежей, паевых взносов, распространения займа «Пятилетка в четыре года», выкупа акций на строительство тракторов и т.д. Наряду с экономическими мерами, большое значение придавалось организационной и агитационно-массовой работе.

30 июля 1930 г. Сибирский край был разделен на две самостоятельные части — западную и восточную, было проведено разукрупнение Дальневосточного края. В Восточно-Сибирский край вошли территории упраздненных Иркутского, Канского, Киренского и Красноярского, Сретенского и Читинского округов и Бурят-Монгольской АССР (в последующем его административно-территориальное деление неоднократно менялось).

В декабре 1930 г. на пленуме ЦК и ЦКК было принято решение довести уровень коллективизации в Сибири до 50 %, т.е. были заданы более высокие темпы, чем раньше [7, с. 238]. Таким образом, когда основной костяк деревни, состоявший из его зажиточной части, был разгромлен, партия и правительство продолжили курс на «сплошную коллективизацию», т.е. организовали новое наступление на крестьянство.

Коллективизация затронула и национальные районы, в которых ставилась задача перевода кочевых народов в оседлые. Наиболее масштабно это проводилось в бурятских районах. Постановление СНК РСФСР от 6 сентября 1930 г. определило основные направления в деле землеустройства и колхозно-совхозного строительства. Районами сплошной коллективизации объявлялись Аларский и Боханский аймаки; в Эхирит-Булагатском районе предусматривалось создание четырех скотоводческих совхозов. Коллективизация в бурятских аймаках сопровождалась массовым раскулачиванием и отличалась высокими темпами.

Весной-летом 1931 г. начался новый этап раскулачивания и выселения. Очень высокие темпы коллективизации вселили оптимизм в руководство страны. Репрессий в то время было едва ли не больше, чем весной предыдущего года. Известны случаи, когда многие трудолюбивые крестьяне были раскулачены дважды. Так, на реке Илим несколько высланных из родных деревень семей раскорчевали тайгу под пашню неподалеку от сел, по ручью Верхнему Боярскому, построили дома и стали там жить. Однако властям не понравилось, что «кулаки» снова зажили хорошо, их раскулачили вновь и теперь уже выслали из района. Постройки вывезли, пашню забросили, а заимка получила название — Кулацкие выселки [1, с. 138].

Реакция крестьянства на подобные меры была аналогичной. По данным ОГПУ, на территории Восточно-Сибирского края зимой 1931 — весной 1932 г. действовало три контрреволюционных повстанческих организации и девять местных группировок [10, с. 346]. Особенно беспо-

койными были западные районы, где даже бывшие красные партизаны были настроены против планов посева. Наиболее решительные настроения были у жителей Тайшетского и Нижнеудинского районов, которые говорили, что с наступлением весны сеять не будут, а уйдут в тайгу. В этот период в крае было зафиксировано 68 террористических актов, из них 28 — с применением физического воздействия к людям, 40 актов были направлены против имущества колхозов [10, с. 348].

«Раскулачивание» и применение массовых репрессий против различных слоев крестьянства в Приангарье привели к разрушению экономических позиций наиболее трудолюбивых и самостоятельных крестьян. В то же время созданные колхозы и совхозы в основной массе были слабыми и не смогли заменить производство индивидуальных хозяйств. Все это вызвало резкое падение сельскохозяйственного производства по всем видам показателей. Однако, в то время как валовая продукция сельского хозяйства и сбор зерна в 1932 г. сократились по сравнению с 1928 г. примерно на четверть, заготовки хлеба выросли почти в два раза. Это объяснялось тем, что государство, подчинив себе колхозы, проводило хлебозаготовки методами продрозверстки, забирая практически весь урожай из колхозных амбаров. Это стало главной причиной голода, неотступно следовавшего за крестьянами все годы коллективизации, но особенно сильно разразившегося в конце 1932 г.

В результате влияния многих факторов, имевших место в 1930-е гг., сельское население Приангарья сократилось приблизительно на треть, при этом посевные площади в середине и во второй половине 1930-х гг. выросли на 20 %. Трудовая нагрузка на одного колхозника к концу второй пятилетки в восточных районах была в 2–3 раза выше, чем в центре страны. Именно поэтому секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) обратился в ЦК партии и правительство с просьбой возобновить плановое переселение в районы края. Судьба самого М.О. Разумова, занимавшего этот пост с октября 1933 г., сложилась так же, как и у многих его соратников: он был арестован и расстрелян как враг народа в октябре 1937 г.

В Российском государственном архиве экономики хранится ряд документов, освещающих дальнейшие мероприятия по планированию, организации и проверке хода переселения в Восточно-Сибирский край в 1934–1936 гг. В этих документах имеются сведения о том, что в ответ на письмо М.О. Разумова в декабре 1934 г. было принято постановление СНК СССР о переселении в край 3 тыс. семей колхозников и единоличников из Татарской республики, Воронежской области и Горьковского края. Как видно из доклада председателя Всесоюзного переселенческого комитета А. Муралова, всего было переселено 3 064 семьи, в которых насчитывалось 15 049 чел., из них 8,5 % составляли семьи единоличников [9, л. 53]. Из Татарской АССР было перевезено 1 004 семьи, из Воронежской области — 1 033 семьи, из Горьковского края — 1 027 семей. Наибольшее чис-

ло переселенцев — 7 965 чел. — были в трудоспособном возрасте — от 15 до 60 лет. Приведены и данные о качественном составе переселенцев: среди них были председатели и члены правлений колхозов, бригадиры, животноводы и колхозные счетоводы, механики, трактористы, комбайнеры, слесари, кузнецы, плотники и представители иных профессий. По национальной принадлежности большинство из прибывших семей были русскими, татарами и чувашами. Вселение велось в такие районы как Зиминский, Нижне-Удинский, Заларинский, Тулунский, Усольский и Кировский, Шиткинский, Боханский, Эхирит-Булагатский и Аларский аймаки.

В марте 1936 г. А. Муралов подал в ЦК ВКП(б) сведения о размещении и хозяйственном устройстве в Восточной Сибири дополнительно 3342 семей, наибольшее количество которых приняли в Улетовском, Нижне-Удинском, Иркутском, Тайшетском, Жигаловском и других районах края (всего — в 30 районах) [9, л. 63–67]. Прием переселенцев в Восточно-Сибирском крае (с 1937 г. началось его деление на самостоятельные края и области) продолжался вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Документы, хранящиеся в архиве, а ныне опубликованные в сборнике «Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х — конец 1930-х гг.» [2], позволяют увидеть всю широту масштаба переселенческого движения в сибирские районы, проследить хозяйственное устройство новоселов, их адаптацию в новых условиях. Однако все это — продолжение того исследования, на которое нас подтолкнуло небольшое письмо руководства Восточно-Сибирского края руководителям партии и правительства страны.

Список использованной литературы и источников

1. Бубнов А. С. Илимская пашня. Время перемен / А. С. Бубнов. — Ч. 1. Братск : МП «Братская городская типография», 2000. — 160 с.
2. «Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х — конец 1930-х гг.». Документальное научное издание / ред. С. А. Красильников. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2007. — 358 с.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. 218. Оп. 3.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 154. Оп. 1. Д. 125.
5. Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н. Я. Гуцин. — Новосибирск : ЭКОР, 1996. — 158 с.
6. Исторический архив. — 1994. — № 4.
7. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917-1937. — Новосибирск : Наука, 1983. — 389 с.
8. Личный архив Г. В. Афанасьевой-Медведевой.
9. Росийский государственный архив экономики. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 79.
10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 г. — декабрь 1930 г. — М. : РОССПЭН, 2000. — 926 с.

11. Хрестоматия по истории Иркутской области. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. — 273 с.

Информация об авторе

Занданова Лариса Викторовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и методики, Восточно-Сибирская государственная академия образования, 664011, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, 6, e-mail: zandanova@mail.ru.

Author

Zandanova Larisa Viktorovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of History and Methodics, East-Sibirien State Akademy of Education, 6, Nischnay Nabereschnay st., Irkutsk, 664011, e-mail: zandanova@mail.ru.

УДК 321.728:353(571.53)

Ю.А. ЗУЛЯР

ББК 66.033.1:67.401.011.2(253.7)

ИНСТИТУТ ГУБЕРНАТОРСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИРКУТСКИЙ СЮЖЕТ

Исследуется эволюция института губернаторства в постсоветской России, как важного элемента формирующейся политической системы современной РФ. Описание модели осуществляется с использованием фактического материала федерального и регионального уровней. Региональный уровень показан на основе событий, происходивших в 1990-2013 гг. в Иркутской области.

Ключевые слова: президент, губернатор, Российская федерация, Иркутская область, становление института губернаторства, внутренняя политика РФ.

Y. A. ZULYAR

INSTITUTE GOVERNORSHIP AS A REFLECTION OF THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA: IRKUTSK STORY

The evolution of the institution of the governorate in post-Soviet Russia, as an important element of the emerging political system of modern Russia. Description of the model is carried out with using of special materials of Federal and regional levels. The regional level is shown on the basis of developments in 1990-2013's. in the Irkutsk region.

Keywords: the President, the Governor, the Russian Federation, the Irkut-oblast, formation of the government, the internal policy of the Russian Federation.